РОЗДІЛ 2

ЕМПІРИЧНІ ДОСЛІДЖЕННЯ СУЧАСНОГО СУСПІЛЬСТВА

УДК 316.485.26

УКРАИНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ: ПЕРВЫЕ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ

Яковенко Андрей Вячеславович – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии Восточноукраинского национального университета имени Владимира Даля

У статті аналізуються різного роду соціальні наслідки військового конфлікту, який розгортається на території України. Зокрема, акцентується увага на загостренні усієї системи міжособистісних відносин, формуванні та закріпленні фабули взаємних претензій, домінуванні радикалізованих оцінок та характеристик, зростанні категоричності позицій при одночасному збільшенні рівня підозрливості. Висловлюється припущення щодо формування в українському соціумі самопредставлення в якості суспільства-жертви, яке стало об'єктом впливу зовнішніх сил. Розглядаються дві специфічні і певною мірою маргіналізовані макрогрупи, а саме: учасники бойових дій та їхні близькі родичі, а також мешканці Донецької і Луганської областей. Наголошується на питаннях концептуального та прикладного характеру, які постають перед українською соціологією у контексті процесів, що відбуваються в суспільстві на тлі військового конфлікту на сході країни.

Ключові слова: соціальні наслідки, конфлікт, міжособистісні відносини, радикалізм, соціологія.

В статье анализируются различного рода социальные последствия военного конфликта, развернувшегося на территории Украины. В частности, акцентируется внимание на обострении всей системы межличностных отношений, формировании и закреплении фабулы взаимных претензий, доминировании радикализированных оценок и характеристик, возрастании категоричности позиций при одновременном повышении уровня подозрительности. Высказывается предположение о формировании в украинском социуме самопредставления в качестве общества-жертвы, ставшего объектом влияния внешних сил. Рассматриваются две специфические и в определенной степени маргинализированные макрогруппы, а именно: участники боевых действий и их ближайшие родственники, а также жители Донецкой и Луганской областей. Артикулируется ряд вопросов концептуального и прикладного характера, которые возникают перед украинской социологией в контексте процессов, происходящих в обществе на фоне военного конфликта на востоке страны.

Ключевые слова: социальные последствия, конфликт, межличностные отношения, радикализм, социология.

The article presents the operational analysis of various social consequences of the armed conflict that takes place in Ukraine. Author points at excessive attention in the media to estimations of political, economic and geopolitical nature to the detriment of focusing attention on the actual social resultant of social cataclysm. The article indicates typicality of significant number of social effects by the end of the armed conflict. In particular, it focuses on the worsening of the whole system of interpersonal relations; dominance of radicalized estimates and characteristics; increasing of categorical positions while increasing suspicion, fueled by the spread of the practice of making numerous "lists" and other elements of a documentary fixation, including using the latest information technology of ideological, political, religious, and other positions used by the representatives of all parties of the conflict to increase the filament hatred between opponents; increasing uncritical acceptance of social reality; and increasing polarization on the principle of «friend» - «enemy». There is an assumption about the formation in the Ukrainian society of a kind of self-representation as a society-sacrifice, which has become an object of the influence of external forces. The article substantively addresses the occurrence, because of a conflict, of two distinctive, and to some extent marginalized macro groups, namely: combatants and their families, and residents of Donetsk and Lugansk regions. The author names a number of problems faced by the Ukrainian sociology as a result of the military conflict. In particular, attention is drawn to the fact that a question of how Ukrainian

Розділ 2. Соціологічні дослідження сучасного суспільства

sociologists will be able to keep the old level of openness of judgments and estimates, taking into account the well-known preferential mono estimation that is welcomed and encouraged by the management class in general, and especially in times of armed conflict, remains open. There is a fear that even universalistic humanist platform of sociological knowledge may seem too pacifist under the circumstances. The author notes the existence of a significant number of examples where the authoritative sociologists of the world did not fit into a specific political situation because of their conciliatory and universal approaches. It is noted that the external simplification of principles of world perception, requirements of the political situation in support of single-valued solutions, high degree of dependence on institutional factors and actions, confront sociologists with a difficult task not to lose the inner courage to go beyond the hard argumentation paradigms, and to uphold their right for integrity and openness with management structures. The article also points out the direct impact of armed conflict on the complexity of collecting empirical data by conventional methods.

Keywords: social consequences of conflict, interpersonal relations, radicalism, sociology.

Актуальность социологического анализа проблем, возникших в украинском обществе в результате открытого вооруженного противостояния, как представляется, не требует каких-то особенных обоснований. Очевидно, что в настоящее время формируется целый пласт весьма непростых, возможно, даже неразрешимых социальных противоречий, которые будут определять содержание общественных отношений в Украине и далеко за ее пределами на ближайшую и отдаленную перспективы. Это, в свою очередь, не может не формировать фундаментальный интерес социологической науки, отодвигая на периферию внимания другие, более привычные, «мирные» темы. В нынешних обстоятельствах невероятно актуализируется внимание к прикладным и теоретическим аспектам социологии войны и, более того, социологии гражданской войны, идут ожесточенные споры о том, можно ли называть происходящее на востоке Украины гражданской войной, особенно среди тех, кому все это пришлось пережить. Прежде всего мы имеем в виду жителей Донбасса, участников боевых действий (с обеих сторон) и всех неравнодушных к общей беде людей. Говоря об актуальности, следует указать не столько на значимость предмета рассмотрения, сколько на важность перевода и научной, и общественной полемики с эмоционально-политизированной платформы на собственно социальную, более гуманистичную, взвешенную как в оценочной, так и в эмоциональной ее составляющих. До сих пор имеет место излишний и конъюнктурно обусловленный сдвиг в политические, пропагандистские, геополитические и геоэкономические ракурсы дискуссии. И это в то время, когда общество переживает колоссальную социальную травму. Война (тем более продолжительная и многожертвенная) – это всегда травма. Травма, которую сейчас переживает украинский социум, намного глубже и трагичнее, чем культурная травма (П. Штомпка).

Оценивая степень разработанности в украинской социологии вопросов, связанных с социальными результирующими общественного конфликта, вылившегося в вооруженное противостояние, укажем на вполне объяснимую дистанцированность абсолютного большинства украинских специалистов-социологов от данных тем. Печальный опыт Югославии не получил у нас сколь-нибудь глубокого анализа. Хотя в свое время, в том числе и в социологической среде, достаточно активно обсуждались последствия произошедшего на Балканах. Тем не менее, проводить прямые параллели с Украиной считалось не совсем корректным, табуированным (чтобы «не навлекать»). События в Ираке, Ливии и Сирии периодически рассматривались в профессиональном социологическом сообществе, однако достаточно камерно, кулуарно. И здесь «злыми пророками» выступать мало кому хотелось, а кажущаяся территориальная удаленность социальных потрясений, позволяла не проявлять непосредственный широкий научный интерес, переадресовывая его большей частью политологам. Оценка же общественных катаклизмов по результатам чеченских войн была интересна преимущественно российским социологам, и по мере увеличения временной удаленности тех событий происходила их деактуализация. В то же время нет смысла искать какую-то уникальность социальных последствий происходящего в украинском социуме военного противоборства. Современная история дает достаточное количество примеров, в число которых сегодня включается и украинское общество. О шаблонности происходящего, например, могут свидетельствовать известные разработки Грегори Стэнтона (Gregory H. Stanton) [1]. И тем не менее, на сегодняшний момент – это исключительно наша трагедия, требующая ее самоосознания и анализа. Хотя, справедливости ради, необходимо заметить: подобного рода конфликт по своей интенсивности, масштабам распространения, по количеству задействованных военных сил и средств, а, главное, по количеству жертв не имел места в других постсоветских государствах (за исключением чеченских кампаний), происходивших на территории России.

Цель данной публикации можно определить как осуществление предварительной оперативной оценки социальных последствий вооруженного противостояния в украинском обществе.

В качестве одного из самых тяжелых и очевидных последствий следует указать типичное для таких масштабных социальных драм обострение всей системы межличностных отношений. Больше года украинское общество продолжало по возрастающей амплитуде внутренне «накручиваться» агрессией и противостоянием. Полемика, начавшаяся вокруг подписания Украиной ассоциации с ЕС, переросла из мирного гражданского протеста в военное противоборство. За весь этот период межличностные отношения по всем их ключевым компонентам только лишь накалялись, разрушая самым радикальным образом прежний хрупкий, неустойчивый социальный мир, едва установившийся после политических страстей, связанных с событиями осени 2004 года.

Общую фабулу взаимных обвинений и обид хорошо передает возникшее и укоренившееся в массовом сознании злорадное выражение: «Сами виноваты!». Приверженцы полярных позиций адресуют подобного рода претензии друг другу: одни, отвечая на обвинения в разрушении гражданской и производственной инфраструктуры в результате осуществления боевых операций, другие, указывая на неблагоприятные социально-экономические последствия смены власти.

В целом же имеет место общественная атмосфера, характерная для социума, переживающего гражданско-политические катаклизмы на базе военного противостояния. Выделим лишь некоторые из них:

- доминирование радикальных (особенно на эмоциональном уровне) оценок и характеристик. Например, та же подмена категории «политические оппоненты» на «враги», «предатели» и т.п. создает не только безапелляционный, сверхконфликтный фон взаимоотношений между представителями различных взглядов, но и обуславливает возможность неблагоприятных сценариев развития событий;

- возрастание категоричности позиций и высказываний при одновременном повышении уровня подозрительности. Последнее свидетельствует об уменьшении открытости межличностной коммуникации. Боязнь быть не правильно понятым по ключевым идейно-политическим, а теперь уже и военно-политическим предпочтениям усугубляется угрозами (мнимыми или реальными) правовых последствий (вплоть до уголовной ответственности), не говоря уже об обвинениях и даже преследованиях на бытовом уровне. Практика составления многочисленных «списков» и прочие элементы документальной фиксации (в том числе с использованием новейших информационных технологий), идеологические, политические, религиозные и иные позиции, применяемые представителями всех сторон конфликта, с последующим использованием их в культивировании своеобразной вендетты создают особый миропорядок, больше характерный для тоталитарных общественных отношений;

- дальнейшее усиление накала ненависти между оппонентами. И если в относительно стабильных условиях различия в точках зрения воспринимались преимущественно со скрытой неприязнью, умеренным неприятием иных воззрений, то в условиях вооруженного противостояния речь идет о таких проявлениях, как гнев, ненависть, неприкрытое или плохо скрываемое желание исключить альтернативные высказывания и поведенческие реакции из поля внимания, вплоть до буквального игнорирования оппонентов;

- повышение уровня не критического восприятия социальной действительности (боязнь неудобной правды). Мирное время дает возможность более снисходительно и спокойно относиться к фактам, которые не укладываются в устойчивые представления, определяемые как правдивые. В нестабильный, «военный» период представления о правде, не совпадающие с нашими установками, вызывают раздражение, а нередко и открытую агрессию. Подобного рода убежденность в собственной правоте основывается на реальных трагедиях, жертвах, в число которых могут входить знакомые, близкие и родные;

- возрастающая поляризация по принципу «свой - чужой». Откровенность высказываний, открытость суждений становятся характерными преимущественно в «своей» среде.

Также вполне закономерным следствием происходящего выступает отчетливая милитаризация общественного сознания. Переход на мобилизационный режим, активное включение представителей многих социальных групп в различного рода практики, связанные с подготовкой и/или участием в военных действиях, а также в мероприятиях по обеспечению безопасности способствовали постепенному и устойчивому сползанию Украины из «социума мира» в предвоенный, а в ряде регионов и в «военный социум». Сказывается также длительное и массированное погружение общества в новостийное пространство с его перенасыщенностью военизированной информационной тематикой, фразеологией и т.д.

При этом, как представляется, в большинстве своем украинские граждане никоим образом не были готовы к данной милитаризации социальных отношений и восприятию реальных военных действий как очевидных, органичных, обусловленных логикой фактических политических процессов. Прежде всего, на наш взгляд, это обусловлено современной общецивилизационной парадигмой, согласно которой

на данном этапе технологического и социального развития войны воспринимаются, скорее, в качестве аномалии, рудимента прежних исторических эпох, как яркий показатель нецивилизованности. Ориентация на европейские ценности и соответствующий геополитический вектор, задекларированные нынешним руководящим политическим классом, лишь усиливает контраст между установленными в странах Европейского Союза правилами дипломатического урегулирования самых острых внутривнутриполитических, в том числе межгосударственных, споров и украинскими драматическими реалиями.

Результатом произошедшего в Украине, кроме хорошо известного раскола является становление на идеологической почве, что типично для поствоенных обществ, нового раскола на видевших, переживших или ощутивших войну (участники боевых действий, их родственники, жители районов, попавших в зону активной фазы вооруженного противостояния, волонтеры), и тех, кто в той или иной мере отдален от трагических событий, являясь преимущественно сторонним наблюдателем происходящего.

Наиболее уязвимыми и проблемными в социальном измерении становятся две весьма сложные по своему составу группы, а именно: лица, принимавшие непосредственное участие в военных действиях, и мирные жители Донецкой и Луганской областей.

Что касается непосредственно участвовавших в военном противостоянии, то вряд ли можно говорить о формировании, а в последующем и закреплении у них афганского или вьетнамского синдромов, проводя прямые параллели с советскими или американскими военнослужащими. Данные аналогии не вполне уместны хотя бы по той причине, что и первые, и вторые воевали на территории других стран в чуждой для них культурной, языковой и даже климатической средах. И хотя общий пласт переживаний будет идентичен (ощущение отверженности, брошенности, внутренняя боль за изломанные судьбы, последствия для здоровья, утрату товарищей и т.д.), скорее, следует говорить о специфическом внутриукраинском синдроме. Оставшиеся в живых, покалеченные физически, психологически и нравственно участники боевых действий сражались и в абсолютном своём большинстве остаются жить не очень далеко или даже на той же территории, где велись сражения, будучи связанными, помимо всего прочего, родственными узами, некогда совместной учебой, трудовой деятельностью с представителями противоположной стороны конфликта. В любом случае можно наблюдать, как складывается и оформляется в качестве общественно значимой отдельная социальная группа со своими сложностями и нюансами внутренней дифференциации (кто, где и как принимал участие в вооруженном противостоянии, был/не был задействован непосредственно в боевых операциях, убивал/не убивал, ранен/не ранен, тяжесть ранения, «дезертировал», переходил границу с РФ, был ли в плену, выходил из окружения и т.д.). Возможности, перспективы и уровень эффективности их социальной адаптации сегодня сложно спрогнозировать, учитывая специфику внутриукраинских общественных отношений, финансово-экономические факторы, отсутствие инфраструктуры и т.д..

Уже очевидно, что в своеобразную социально неблагополучную нишу попадают жители Донецкой и Луганской областей. Независимо от их политических и идеологических симпатий и антипатий, а теперь еще и места проживания в результате внутренних и внешних миграций, они становятся для общественного мнения своеобразными отщепенцами, косвенными или прямыми инициаторами значительного числа социальных бед. Термины «сепаратисты» и «террористы» выступают для представителей Донбасса символической атрибутикой клеймения и самоклеймения. Парадоксальным образом прямые жертвы войны оказались ее главными изгоями, создавая известные очаги социальной напряженности во многих областях Украины. И в этом отношении данный конфликт на долгие годы. Тем более что задачу их социальной адаптации, в отличие от непосредственных участников боевых операций, особо никто и не ставит.

Можно говорить, что одним из отчетливых неблагоприятных социальных последствий происходящего выступает восприятие многими украинцами (без какой-либо их дифференциации по идейным предпочтениям и региональному позиционированию) своего положения в качестве «заложников». Ощущение «заложничества» формируется прежде всего на базе все большего числа аргументов и предметного фактажа, свидетельствующего о серьезных и закрытых геополитических торгах, в результате которых вначале внутриукраинский конфликт был динамично и планомерно переведен в полномасштабную войну, а затем превратился в вялотекущий и на момент написания данной статьи в ниспадающий. И здесь вновь приходится говорить о травме и жертве. Скорее всего, именно данные термины будут доминировать в мироощущении большинства переживших военный катаклизм и пытающихся хотя бы каким-то образом рационально и открыто осознать происходящее.

Отдельно следует коснуться сложностей, возникающих в нашей профессиональной среде в связи с жесткой общественной поляризацией, дошедшей до вооруженного противостояния. В данном ключе в украинском социологическом сообществе, впрочем, равно как и во всех иных профессиональных сообществах гуманитарного профиля, возникает ряд проблемных моментов. Открытым остается вопрос,

насколько удастся сохранить прежний уровень откровенности суждений и оценок с учётом известной преимущественной монооценки, которую приветствует и поощряет управленческий класс вообще, а в периоды вооруженного противостояния тем более. Даже универсалистская общегуманистическая платформа социологического знания может показаться в данных обстоятельствах излишне пацифистской. История знает значительное число примеров, когда авторитетнейшие социологи мира не вписывались в конкретную политическую конъюнктуру из-за своих примиренческих и общечеловеческих подходов. Внешнее упрощение принципов мировосприятия, поддержка однозначных решений, высокая степень зависимости от институциональных факторов и действий ставит перед социологами нелёгкую задачу как не утратить внутреннюю смелость выходить за пределы жестких аргументационных матриц, так и отстаивать свое право на честность и открытость перед управленческими структурами.

Прямым следствием происходящего становится и усложнение сбора эмпирической информации традиционными методами, начиная с отсеечения от опросов целых регионов и заканчивая увеличением числа осторожных или воспринимаемых и артикулируемых в качестве официально правильных ответов на острые социально-политические вопросы.

По вполне понятным причинам до недавнего времени в украинской социологии не принято было касаться военной и поствоенной проблематики, оценок социальных последствий конфликтов, перешедших в вооруженную фазу. Сложившаяся же на сегодняшний день ситуация предопределяет необходимость осуществления нелегкого выбора: либо делать вид, что ничего особенного не произошло (не происходит), либо предпринимать попытки анализа формирующегося особого внутреннего социального миропорядка, в котором украинский социум оказался в последние месяцы. В настоящий момент обсуждение любой темы, связанной с оценками перспектив развития общества, невозможно без анализа хотя бы промежуточных итогов драматических событий, свидетелями, прямыми или косвенными участниками которых мы являемся.

Среди явных последствий многомесячного военного конфликта необходимо прежде всего выделить типичные для подобного рода катаклизмов итоги: утрату социального доверия в рамках межличностных коммуникаций, отчетливую и существенную милитаризацию общественного сознания, предельно высокую поляризацию позиционирования, возрастание категоричности, безапелляционности в трактовках событий, повышение уровня внешней и внутренней агрессивности.

Можно также утверждать, что постепенно складывается особое мироощущение общества-жертвы на базе фатализации восприятия событий, осознания едва ли не тотальной зависимости индивидуальных судеб и судеб макросообществ от влияния внешних факторов, возможности воздействия на которые на личностном или коллективном уровнях практически отсутствуют.

По результатам вооруженного противостояния в обществе сформировались две социальные макрогруппы (по критерию наибольшей фактической приближенности к зоне открытого военного конфликта): участники боевых действий и их ближайшие родственники, а также жители Донецкой и Луганской областей. Последние, согласно теории клеймения, отчетливо стигматизируются, приобретая атрибутику негласных или открыто обозначаемых социальных изгоев. Представители данных групп оказываются наиболее психологически травмированными, выступают главными носителями трагических впечатлений и переживаний военной фазы конфликта, будучи, как это обычно происходит в таких случаях, основными инициаторами распространения неудобной правды о реалиях вооруженного противостояния.

Безусловно, есть свое измерение социальных последствий происходящего и в украинской социологии. Ситуация, складывающаяся в настоящий момент в обществе, ставит в весьма сложное положение представителей социологической науки. Изначальная гуманистическая платформа социологического знания испытывает, как это бывало и прежде в периоды военных конфликтов, проверку на устойчивость. Существенной проблемой становится также сужение возможностей для полноценного эмпирического зондажа общественного мнения по острым социально-политическим проблемам.

Характеризуя перспективы дальнейших исследований в данном ключе, приходится констатировать, что теперь для украинской социологии чрезвычайно актуальным становится анализ широкого спектра проблем, начиная с тех же вопросов социальной адаптации и завершая ключевой задачей поиск путей, если не по разрешению, то хотя бы по смягчению социальной напряженности с учетом милитаризации и повышенной конфликтогенности общественных отношений.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Stanton Gregory H. The 8 Stages of Genocide [Electronic Source] / Gregory H. Stanton. – Access mode: <http://www.genocidewatch.org/8stages.htm>